
ХОЛОДНАЯ
КОРОЛЕВА
18+
ЛЮСИ СМОУК
Когда боль становится силой,
жертва превращается в хищницу.

Freedom. Опасные Сердца. Темная романтика

Люси Смоук

Бешеные парни. Холодная королева

«Эксмо»
2024

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Смоук Л.

Бешеные парни. Холодная королева / Л. Смоук — «Эксмо», 2024 — (Freedom. Опасные Сердца. Темная романтика)

ISBN 978-5-04-252155-3

Меня зовут Авалон Мэннинг, и я знаю, что такое выживать. Они думают, что я сломаюсь. Дин Картер и его «бешеные парни» — короли элитной академии Ист-Поинт, где деньги, власть и жестокость правят балом. Они пытаются меня контролировать, унизить, подчинить. Но я не та девушка, что станет на колени. Дин хочет владеть мной. Он опасен, одержим и безжалостен. Наша ненависть переплетается со страстью настолько токсичной, что может уничтожить нас обоих. Между нами — война. Но я научилась сражаться. Страшные секреты прошлого всплывают наружу. Я готова пройти через любой ад, чтобы выжить и отомстить. Они хотели сделать меня жертвой. Но я стану королевой. Холодной. Беспощадной. Непобедимой.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-252155-3

© Смоук Л., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Пролог. Авалон 6
Глава 1. Дин. 12 лет назад 8
Глава 2. Авалон. Наши дни 10
Глава 3. Дин 15
Глава 4. Авалон 18
Глава 5. Авалон 22
Глава 6. Дин 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Люси Смоук
Бешеные парни. Холодная королева

Lucy Smoke
Stone Cold Queen (Sick Boys Series #2)
Copyright 2024 Lucy Smoke

Дизайн *И. Пинчук*

© С. Костяева, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Думаешь, я выгляжу как королева? Что ж, могу тебя заверить, внутри я – гребаное королевство.
Лорен Иден, «Королевство»

Пролог. Авалон

Мое сердце колотится как сумасшедшее, и я чувствую, как оно медленно, но верно ведет меня к безумию. Пот струится по коже. Я слежу за каждым движением мужчины, пока он пересекает комнату и кладет маску на металлический столик. Затем он присаживается на корточки и снимает сумку, которая до этого висела у него на груди. По грохоту, с которым сумка опускается на стол, можно догадаться, что внутри тяжелые инструменты. Я пытаюсь придумать, что сказать или сделать, но мысли путаются. Единственное, что приходит на ум, – это один вопрос:

Где, черт возьми, Дин?

– Вы считаете себя сильным человеком, мисс Мэннинг? – спрашивает мужчина.

Он отходит от стола, и мое тело пробивает дрожь. Приблизившись ко мне, он опускается на корточки и достает из сапога нож.

– Сильным? – переспрашиваю я, стараясь сохранить спокойствие. Внутри меня бушует буря, но голос звучит ровно. – Не знаю. Все зависит от того, как вы понимаете это слово.

Разрезав веревки на моих ногах и руках, он убирает нож обратно в ботинок и крепко хватает меня за запястья. Мужчина помогает мне встать на ноги, но, несмотря на его поддержку, я все равно едва не падаю. Когда я начинаю ощущать свободу движений, то тело пронзает боль.

Он пользуется моментом, чтобы подвести меня к стулу и усадить на него. А затем быстрым движением привязывает мои руки к спинке.

– Интересно, – комментирует он, отступая и глядя на меня сверху вниз. – Большинство людей отвечают мне «да» или «нет».

– Я не большинство людей, – отвечаю я.

Его взгляд скользит по мне, будто в поисках чего-то, о чем я могу только догадываться.

– Хорошо, – продолжает он. – Вы считаете себя трусливым человеком?

На это есть гораздо более простой ответ.

– Нет.

Страх – это чувство беспомощности. Я всегда так считала. Но мужчина не реагирует на мой четкий ответ, хотя вопрос кажется странным. Он отходит к металлическому столу, опирается на него и скрещивает сильные руки на груди. Он похож на парня с немецкого плаката. Светлые волосы, голубые глаза, четко очерченная челюсть с несколькими шрамами.

Я не уступаю его взгляду, когда он смотрит на меня, сохраняя зрительный контакт. Я смотрю на него в ответ, молча бросая ему вызов.

– Ты знаешь, кто я такой? – спрашивает он.

– Если бы я знала, кто ты, думаешь, я бы сюда пришла? – фыркаю я.

– Отвечай на вопрос!

– Нет, придурок. Я не знаю, кто ты такой, и не знаю, какого хрена тебе нужно.

Первое – правда. Я не знаю, кто он. Второе – ложь. Я знаю, чего он хочет, и понимаю, почему я здесь. И мне ясно, почему он снял маску: он не собирается отпускать меня живой.

– Мы закончили играть в «двадцать вопросов»?

Он мерзко усмехается, и от этого звука мне становится не по себе, а по спине бегут мурашки.

– Еще один вопрос, Авалон.

Меня бесит, как он произносит мое имя. Меня раздражает его голос. Ненавижу это ощущение бессилия, когда сижу на стуле и жду его вердикта.

Если бы я закрыла глаза и по-настоящему прислушалась к его тихому, вибрирующему смешку, то сначала он мог бы показаться мне совершенно нормальным. Если бы я не смотрела прямо на него и не знала о пыточных инструментах, которые он, вероятно, хранит в своей сумке, то, возможно, я могла бы ошибочно принять его за обычного человека.

Но, несмотря на отсутствие явных признаков угрозы, пустую комнату и сложившуюся ситуацию, я все равно понимала, что он не так прост. В его голосе и взгляде есть нечто более глубокое, что заставляет даже самого невнимательного человека обратить на него внимание.

Возможно, это интуиция – внутреннее ощущение. Животные инстинкты подсказывают мне, что с этим человеком что-то не так. Независимо от того, что он пережил или сделал, даже если это было кроваво или шокирующе, он получал от этого удовольствие. И что бы он ни замышлял против меня, его эмоции будут такими же.

Он разжимает руки, выпрямляется и отходит от стола. Подходит ко мне и встает прямо напротив. Одной рукой опирается на спинку стула, касаясь моего позвоночника, и наклоняется так близко, что я вижу синие искры в его глазах.

Вот тогда-то я и замечаю странность в его внешности, отличающую его от остальных. В его глазах нет эмоций. Даже в глазах Брэкса, Абеля и Дина, когда они находятся на грани срыва, что-то проскальзывает. Дикость, порочность, хоть какое-то чувство. Но в глазах этого человека я ничего не вижу. Только пустоту. Никаких эмоций: ни счастья, ни ликования, ни угрызений совести.

– Последний вопрос, – заявляет он. Я встречаюсь с ним взглядом, и мое сердце начинает биться сильнее. Затаив дыхание в ожидании, я подавляю свои вопросы и мысли. – Ты боишься меня?

Наверное, так и должно быть. Сказать, что сердце не колотится как сумасшедшее, а мысли не мечутся в моей голове как бешеные, будет ложью. Так же как и утверждение, что он не тревожит меня, что мне не мерзко чувствовать себя ограниченной, беспомощной и связанной. Но боюсь ли я его?

Я смеюсь.

– Забавно, – говорю я, как можно сильнее запрокидывая голову. – Ты считаешь себя страшным, да? Но у меня для тебя не самая приятная новость: я видела вещи, которые могли бы стать кошмаром наяву, и ты на них совсем не похож.

Его улыбка становится шире.

– Это лучший ответ, который я когда-либо слышал. И кажется, он так же отвечает на мой первый вопрос.

– Неужели? – спрашиваю я.

Мужчина кивает.

– Я надеюсь, вы сильная, мисс Мэннинг. Ведь для того, что я собираюсь с вами сделать, силы вам понадобятся.

Глава 1. Дин. 12 лет назад

– Ты знаешь, как выглядит смерть?

Вопрос может показаться случайным, но я убежден, что в жизни нет ничего по-настоящему случайного, особенно когда речь заходит о моем отце. Николас Картер – человек, который тщательно обдумывает каждое слово и действие, чтобы достичь своей цели. Для него все в жизни – это соревнование.

– Нет, сэр, – отвечаю я, настороженно наблюдая за ним.

– Скоро узнаешь, – спокойно произносит он, с уверенностью человека, который уже убивал, будет убивать снова и уверен, что передаст это искусство своему единственному сыну – мне.

Я неловко ерзаю на стуле, сидя лицом к его огромному столу. Мне почти тринадцать, но эта махина кажется мне непостижимо угрожающей. Она стоит здесь, как гигантское, зловещее чудовище, даже когда король, обычно сидящий за ней, отсутствует.

– Смерть – это страшно, – говорит отец. – Она совсем не похожа на то, что показывают в кино и твоих видеоиграх.

Он всегда начинает разговор о фильмах и видеоиграх с обращения «твой», словно слишком занят или, возможно, слишком равнодушен к тому, что нравится другим. Он сумасшедший. Эта мысль, как навязчивое напоминание, не дает мне покоя, заставляя задуматься о том, что я тоже обязательно сойду с ума. Мы с ним похожи.

– Смерть – это не то, что можно дарить в порыве гнева, понимаешь?

– Да, сэр, – отвечаю я, но ничего не понимаю.

Я должен убивать, но не злиться из-за этого? Разве можно не злиться, если я безумен?

Я злюсь, потому что из-за бессмысленного разговора теряю время с Брэксом и Абелем. Меня раздражает, что отца никогда нет дома, а если он и появляется, то сразу тащит меня в кабинет на скучные лекции о всякой ерунде. Злюсь на маму, которая вечно пьяна. А когда она трезвая, ей становится только хуже. Вся моя жизнь – это безумие, и оно делает меня еще злее.

Николас Картер внимательно смотрит на меня, и кажется, вот-вот отругает за небрежный ответ. Но отец удивляет меня. Вместо очередной ругани он встает с кресла и идет к винному шкафу. Единственному в доме, к которому даже моя мама не смеет прикасаться. Открыв дверцы, отец достает стеклянный графин с оранжево-коричневой жидкостью. Затем наливает немного в бокал, ставит графин обратно и закрывает шкаф. Поворачивается, держа в руке бокал с парой дюймов жидкости, и начинает медленно вращать его, любуясь переливами.

– Дин, отнять жизнь – это нечто глубоко личное, – спокойно говорит он. – Я хочу, чтобы ты понял это.

Почему я должен это понимать? Если отец хочет, чтобы я кого-то убил, пусть скажет прямо. СМИ постоянно твердят, что убивать – это неправильно, да только люди все равно умирают. Тогда какая разница, кто убивает? И почему бы это не сделать мне?

– Когда душа охвачена гневом, злобой, печалью и другими страстями, человек легче идет на насилие. Однако эти чувства – лишь фундамент, на котором все строится. – Я хмурюсь, не до конца улавливая его мысль. – Эмоции делают нас людьми. Но они же нас и разрушат.

Отец наклоняет бокал так, что жидкость вот-вот прольется. Я неотрывно слежу за его рукой и лицом.

– И если ты позволишь им выплеснуться наружу…

Вдруг одинокая янтарная капля мягко приземляется на безупречно белоснежный ковер, и на нем возникает маленькое темное пятно. Я едва сдерживаю порыв вскочить и стереть его, хотя и не могу объяснить почему. Просто все вокруг кажется слишком совершенным, слишком безупречным, и лишь это пятно выделяется, словно рана на гладкой коже. Когда я смотрю

на него, меня охватывает странное чувство раздражения, напоминающее зуд, который невозможно унять, пока не устранишь источник неприязни.

– Если ты позволяешь своим желаниям и привязанностям управлять тобой, – продолжает он, – ты становишься зависимым от них. А когда ты зависим, ты теряешь свою свободу. Эмоции – это сила, но они же могут стать и твоей слабостью. Помни, что только ты сам решаешь, как к ним относиться. Никогда не позволяй им диктовать тебе свою волю.

Отец поднимает голову и смотрит на меня, а затем переворачивает стакан, и остатки напитка все же выплескиваются на пол, пропитывая ковер у его ног.

– Что насчет Брэкса и Абеля? – спрашиваю я, не сдержавшись.

Он не любит, когда его перебивают. Каждый раз, возвращаясь домой после долгого отсутствия, отец неизменно ведет меня в свой кабинет и начинает читать наставления. Его появление всегда сопровождается запахом сигар и почти осязаемым ощущением усталости, но будто из последних сил он пытается передать мне важный жизненный урок.

Его предупреждения – это, кажется, попытка защитить меня от чего-то, через что он сам, вероятно, прошел. От повторения той же истории. Но я понимаю, что он никогда не признается в том, что действительно имеет в виду.

Тем не менее есть вещи, которые для меня очень важны. Их не так много. Я могу обойтись без видеоигр и даже без мамы, которой все равно нет до меня никакого дела. Но Брэкстон и Абель – это другое. Без них я не представляю своей жизни. Они мои братья.

Отец ставит пустой бокал на край столешницы рядом с винным шкафом и ловко переступает через мокрое пятно, не испачкав своих безупречных деловых туфель. Его пристальный взгляд скользит по мне, вынуждая вжаться в спинку кресла, а затем отец приближается, опускается на корточки и смотрит так, будто пытается проникнуть в мои мысли или даже заглянуть в будущее.

– Якоря, – тихо произносит он.

– Якоря? – в замешательстве повторяю я.

Он кивает, глядя на меня.

– В жизни важно иметь якоря, – объясняет отец. – Они как столбы в заборе, на которых держится вся конструкция.

Отец подается вперед, и мне кажется, будто он вот-вот меня коснется. Я прикусываю губу и замираю, не зная, как реагировать. Мне не хочется, чтобы он это делал. Я боюсь, что его прикосновение сделает меня таким же грязным, как этот ковер.

Но ничего не происходит. Он просто выпрямляется.

– Но независимо от того, есть ли у тебя эти якоря, – говорит он, отводя от меня взгляд, когда кто-то стучит в дверь кабинета, – ты всегда должен быть уверен в своей силе. Должен уметь крепко стоять на своих ногах, без всякой опоры. И всегда – всегда должен следить за тем, чтобы они не ржавели.

– Ржавели?

Николас Картер оборачивается ко мне, направляясь к двери. И перед тем, как открыть ее, отвечает мне так тихо, что я едва различаю его слова:

– Да, – произносит он. – Если позволишь своим якорям заржаветь, они ослабнут. А слабых в этом мире ждет одно. – Отец поднимает голову, и наши взгляды встречаются – его глаза слишком похожи на мои. – Их уничтожают.

Глава 2. Авалон. Наши дни

Кровь покрывает мои передние зубы, медная и острая на вкус. Я скалюсь и, наклонившись, сплевываю смешанный со слюной вязкий комок. Он красный. Кости рук болят. Черт, кости ног тоже начинают болеть. От множества ударов ноют мышцы лица. Однако, к сожалению для моей противницы, я пока не могу сказать, что удовлетворена.

Мы кружим друг вокруг друга, как две голодных гиены. Тем не менее я получаю удовольствие от борьбы, в то время как моя соперница сражается ради денег. Она стремится к материальным благам, а я борюсь за возможность уснуть сегодня ночью, не видя лица того ублюдка. Только одна из нас выйдет победительницей – и для моей соперницы это станет очередным неприятным сюрпризом, ведь я точно знаю, что победа будет за мной.

Рыжеволосая девушка, словно угадав мои мысли, делает шаг вперед и прижимается ко мне всем телом. Ее руки обвивают мою талию, когда мы ударяемся о клетку вокруг бойцовского ринга. Крики эхом раздаются вокруг, и их громкость превосходит все разумные пределы. Но именно так и бывает, когда наступает эйфория. Весь остальной мир исчезает, и на ринге остаются только я и опасность. Я и мои демоны.

Я локтем ударяю соперницу в спину, и девушка вскрикивает. Но я не отпускаю ее, а повторяю движение. Рыжеволосая снова вскрикивает, но даже не отстраняется. Тогда я беру ее за затылок и, фиксируя на месте, резко поднимаю колено к ее лицу. Хруст ее носа о мою коленную чашечку звучит для меня как болезненная симфония. Наслаждаясь стонами соперницы, я разжимаю руки, но не даю ей времени прийти в себя, потому что, кажется, моя вечеринка в честь прощания уже началась.

В раздражении я бью кулаком по ее лицу один, два и три раза. Достаточно сильно, чтобы она упала. Люди стучат по клетке и гремят металлом, пытаясь командовать мной. «*Ударь ее еще раз*», «*Нет, пни ее*», «*Сверни ей шею*». Неужели они настолько кровожадны и жестоки, что хотят увидеть убийство прямо здесь и сейчас?

Нет, как бы сильно я ни хотела этого, моя соперница не заслуживает смерти. Две недели назад я поняла одну важную вещь: смерть – это необратимый процесс, и после нее ничего нельзя вернуть. Но именно об этом я и мечтаю.

Мне снова и снова снится убийство Роджера Мерфи. Пуля в голову выполнила свою задачу, но мой разум продолжает придумывать новые методы. Самое ужасное, что я сожалею не о самом убийстве, а о том, что оно длилось недолго. Я не слышала его криков и слез, потому что не резала его на куски. Не дождалась его мольбы о пощаде перед тем, как вынести ему заслуженное наказание.

Когда я приближаюсь к своей сопернице, она с трудом встает с земли, цепляясь пальцами за прутья клетки, которая отделяет нас от толпы. Осознавая, как бы мне хотелось испытать на ком-то другом методы пыток из моих снов, я решаю поступить иначе. Хватаю девушку за горло, оттаскиваю от прутьев и бью кулаком в живот. От боли девушка сгибается пополам, изо рта вылетает окровавленная слюна. Я резко бью соперницу по виску, и она теряет сознание. Если бы только я могла так же легко заснуть.

Когда дверь клетки открывается, я отступаю назад. На пороге в ожидании меня стоит Дин. Его руки скрещены на мощной груди, которую я когда-то обнимала, целовала и прижималась к ней, пока он спал со мной, до беспамятства. Однако сейчас я хочу только одного: забыть обо всем, вернуться в общежитие и уснуть.

Когда я наконец выхожу, мои плечи сдавливает усталость. Кто-то вкладывает мне в руку пачку денег, но я передаю купюры парню, который заходит в клетку, чтобы вывести оттуда мою соперницу.

– Вот, – говорю я. – Передай ей это от меня. Скажи, что бой был отличным.

Его глаза округляются при виде Дина, который угрожающе рычит и приказывает ему уйти. Парень забирает деньги и, слегка пошатываясь, идет к девушке, которую я оставила без сознания.

Кто-то протягивает мне полотенце, и, вытирая им пот и кровь, покрывающие мою кожу, я иду к выходу, избегая холодного взгляда Дина. Обычно победителей награждают похлопываниями по спине, как это происходило каждую ночь на этой неделе. Но сегодня ситуация иная. Даже без своей репутации Дин кажется достаточно устрашающим, чтобы отпугнуть от меня самых смелых зрителей.

Наконец я оказываюсь на улице. Горячие капли пота стекают по моему телу, но свежий весенний воздух мгновенно их осушает. Неподалеку я сразу же замечаю двух постоянных спутников Дина, которые прислонились к багажнику знакомого красного «Мустанга».

Когда Брэкс поднимает руку, я выдыхаю и иду к нему.

– Итак, – произношу я, оборачиваясь к мужчине за спиной. Он нависает надо мной, словно властный демон, готовый нанести удар. – Говори, что хотел.

Дин не колеблется.

– Я думал, мы велели тебе прекратить заниматься этим дерьмом.

– Может быть. – Я пожимаю плечами и распускаю волосы из конского хвоста, массируя место, где была резинка, чтобы унять боль, вызванную длительным натяжением. – Хотя я никогда не обещала, что буду делать все, как ты скажешь, – говорю я и смотрю на Брэкса. – А что думаешь ты?

– Я не вижу в этом проблемы, – признается он. Я замираю, чувствуя легкое удивление. Но в следующий момент он все разрушает: – Но нам было бы спокойнее, если бы ты брала с собой кого-то из нас.

Я хмурюсь.

– Мне не нужна нянька.

– Мы не это имеем в виду, – возражает Абель.

– Разве? – Я поворачиваюсь к нему. – Тогда объясни, потому что это звучит так, будто вы все, или, точнее, один из вас… – Я останавливаюсь и выразительно смотрю на Дина, но он лишь скрещивает руки на груди и отвечает мне ровным взглядом. Его лицо непроницаемо. – Собираетесь следовать за мной повсюду, как телохранители? Я не беспомощна. Мы с вами чужие люди, так что я требую, чтобы вы трое оставили меня в покое.

Я вытираю пот с лица полотенцем, которое мне дали, и бросаю его в Дина. Затем разворачиваюсь и иду мимо него. Но не успеваю сделать и пары шагов, как он хватает меня за руку и резко останавливает.

В эту же секунду мой разум захватывает нечто темное. Некая мысль, которая словно лезвие вонзается в душу и берет под контроль все мои поступки.

Я резко оборачиваюсь, вырываю руку и замираю на месте.

Мне бы хотелось врезать Дину по лицу, и, даже спустя пару секунд, это желание не проходит. Однако это чувство не должно мной управлять. Важно помнить: я сама себе хозяйка. Поэтому, хотя у меня и есть желание сломать Дину нос, я сдерживаю себя.

– Ава… – обращается ко мне Абель, пока Дин пялится на меня так, словно читает мои мысли. Да пофиг! Он ошибается! Пусть даже он и в курсе всех извращенных желаний, которые появились за последние пару недель в моей голове, но он больше не имеет права на моих демонов. Они только мои. Обернувшись к Дину, Брэкс, будто интуитивно, кладет руку ему на плечо и отводит назад. Меня удивляет, что именно эти двое кажутся наиболее опытными в обращении с нашими внутренними зверями, хотя оба едва меня знают. – Ава, как твой друг, я думаю…

– Друг? – Я фыркаю, прерывая его. А затем делаю глубокий вдох, чтобы снять напряжение, которое растекается по моим венам, вызывая судорожное сжатие мышц. – Слушай, Абель,

мы не друзья. Я девушка, которую ты не можешь контролировать. Ты можешь называть себя моим другом, но это не дает тебе никаких привилегий или особых прав по сравнению с теми, кто считает себя моими врагами.

– Мы тебе не враги, – говорит Брэкс.

Я поднимаю голову и встречаюсь с ним взглядом.

– Но вы мне также и не союзники.

– Враги, друзья, союзники… Какая, к черту, разница? – рычит Дин, то ли в раздражении, то ли в гневе. Я никогда не могу точно понять, что именно с ним происходит, когда дело касается эмоций.

– Дин.

В голосе Абеля отчетливо слышится предостережение, но я улыбаюсь, зная его друга как облупленного. Дин никогда не обращает внимания на предупреждения.

Он отталкивается от Брэкса и направляется ко мне.

– Ты сошла с ума, если думаешь, что сможешь убежать от меня, Ава.

Я откидываю голову и ухмыляюсь ему, уверенная, что мои слова его разозлят.

– Тогда можешь называть меня безумной, но я тебе не принадлежу, Дин. Это ты все испортил, а не я. То, что я согласилась переспать с тобой, не дает тебе права считать меня своей собственностью.

– Черт, давайте просто переведем дух, – ругается Абель, а затем встает между нами и раздраженно поднимает руку, чтобы остановить Дина, параллельно бросая взгляд в мою сторону. – Мы все понимаем, но все равно очень переживаем за тебя. Ты не хочешь принимать нашу помощь, отказываешься от терапии, больницы. Произошедшее ужасно, но ты упорно стоишь на своем и не отвечаешь на наши звонки.

Он глубоко и устало вздыхает, а затем с досадой проводит рукой по своим светлым волосам, резким движением взъерошивая их. Его взгляд хаотично перебегает с меня на землю и обратно.

– Думаешь, в больнице мне смогли бы помочь? – с горечью спрашиваю я и невольно сжимаю руки в кулаки. Воспоминания отравляют мой разум.

Конечно, я не настолько наивна, чтобы не пройти тест на запрещенные вещества. Одного визита в клинику на территории кампуса оказалось достаточно. А раз эти умники все про всех знают, они уже должны были выяснить, что я чиста. Я больше ничего в себе не ищу – мне больше это не нужно.

– Все закончилось, и я двигаюсь дальше. Тебе тоже стоит.

Он смотрит на меня, и этот взгляд буквально пробирает до костей. В желудке разливается мерзкое, гнетущее чувство, и хотя пот после драки уже высох, я ощущаю, как новая волна липкого страха пробегает по моей спине. Я ненавижу этот его взгляд – он слишком много знает. Все трое знают слишком много. Они слишком близко.

Я отступаю назад, не успев обдумать свои действия, и замечаю, как глаза Дина мгновенно загораются хищным блеском. Его верхняя губа слегка приподнимается.

– Авалон… – Абель не сводит с меня пристального взгляда.

– Что, черт возьми, ты хочешь знать? – требую я.

Под моей кожей танцуют маленькие огненные муравьи. На самом деле их нет, но ощущение их присутствия настолько реально, что кажется, будто они впиваются в мою плоть сотнями жалящих, ядовитых укусов.

– Ты хочешь знать, все ли со мной в порядке? Черт возьми, да! Я выжила. Я не настолько слаба, чтобы позволить какому-то мудаку, типа Роджера Мерфи, барыги из небольшого городка, вывести меня из себя.

– Авалон, я не…

Я не даю ему договорить. Не хочу этого слышать.

– Ты не… Что? Не думаешь об этом? – Я спрашиваю с вызовом. – Чушь. Думаешь. Вы все об этом думаете. – Я бросаю на них сердитый взгляд. – А если ты решил солгать мне, то хотя бы делай это убедительно.

Все мои мысли и сны последние две недели были связаны с той ужасной ночью. Но меня беспокоит не то, что имеют в виду парни. Я плохо помню, как Роджер переспал со мной на старом виниловом полу на кухне в трейлере моей матери. Эти минуты превратились в размытое пятно из света, эмоций и тошноты. В моей памяти запечатлелось нечто иное, и оно вызывает у меня гораздо больше тревоги.

Его смерть.

Я помню каждую деталь убийства Роджера, как будто это было вчера. Как его лицо исказилось от страха, когда я прижала пистолет к его лбу. Как мой палец дрожал, когда я нажала на спусковой крючок. Вспоминаю это и мои бедра напрягаются, лицо краснеет, а дыхание учащается.

Это воспоминание показывает, насколько я испорчена.

– О чем ты сейчас думаешь, Ава?

Голос Дина выдергивает меня из размышлений, и я вздрагиваю, осознавая, что Абель отступил, пропуская его вперед.

Я хмурюсь и напрягаюсь еще сильнее, когда он приближается.

– Не твое гребаное дело.

Абель и Брэкс отступают. Я осознаю, что они рядом и наблюдают за нами, но мой разум уже почти не фиксирует их присутствие. Почему Дин так на меня влияет? Он не прикасается ко мне, но его взгляд кажется осязаемым, как прикосновение. Как бы я ни старалась это отрицать, как бы ни пыталась себя обмануть, но мне это нравится. И я не просто не хочу, чтобы это заканчивалось, но и мечтаю о продолжении.

– Черта с два, – рычит он.

Я вдыхаю ночной воздух, наслаждаясь его прохладой и одновременно чувствуя запах Дина. Мой язык словно деревенеет, когда я пытаюсь говорить. Удивительно, как мне вообще удается произносить слова, зная, что они пропитаны ложью.

– Я больше не имею к тебе никакого отношения, – говорю я. – Кем бы мы ни были и для чего бы ты ни пытался меня использовать – это закончилось. Между нами все кончено. Я не твоя девушка и даже не твой друг. Если вражда – это все, что у нас есть, то пусть будет так. Для меня ты ничего не значишь. Я ничего к тебе не чувствую.

– Чушь собачья! – громко восклицает он, и его слова привлекают внимание нескольких людей из амбара, направляющихся к своим машинам.

Они изумленно смотрят на нас, широко раскрыв глаза, но как только узнают, кто перед ними, опускают головы и продолжают свой путь, ускоряя шаг.

Он тянется ко мне, и по моему телу разливается холод.

– Дин, я бы на твоем месте не рисковала. – Я останавливаю его. Его глубокий и пронзительный взгляд скользит от моего лица вниз, к его руке, застывшей в воздухе, на полпути ко мне. – Прикоснись ко мне и поймешь, насколько безумной я могу быть.

Кто-то другой мог бы испугаться. И возможно, мне тоже следовало бы бояться, но я не испытываю страха. Не потому, что уверена, что Дин не способен причинить мне вред. Нет. Просто мне стало безразлично, если кто-то попытается. Я готова вынести боль, насилие, опасность, пытки. Это уже случалось. Что еще может произойти? Однако я не дам ему попробовать, не попытавшись защитить себя.

– Ты совершаешь большую ошибку, Ава.

Дин медленно опускает руку, но его взгляд остается прикованным к моему лицу. С невероятной осторожностью он делает шаг ко мне, и вскоре его грудь оказывается почти в сантиметре от моей. Он не позволяет себе физических прикосновений, помня о моем предупрежде-

нии. Но эта близость без прикосновений кажется почти невыносимой – хуже, чем если бы он меня коснулся. Его голос становится тише, и теперь его слышу только я.

– Ты можешь говорить что угодно, можешь лгать себе сколько хочешь. Но мы оба знаем истину.

Мне нужно мгновение, чтобы ответить.

– Какую истину?

Мое тело застывает в напряжении, когда он поднимает руку и, глядя на меня с задумчивой сосредоточенностью, подносит к своим полным губам прядь моих почти черных волос.

– Я знаю, тебе понравилось, – шепчет Дин. – Понравилась каждая грязная минута, каждый дюйм меня, детка. И я знаю, ты хочешь меня снова. Ты нуждаешься во времени – я это понимаю. И буду ждать, даже если это разорвет меня изнутри. Но не заблуждайся, Авалон. Ты принадлежишь мне. Независимо от того, что произошло, этого уже не изменить.

Его близость наполняет мой разум, вызывая трепет и будоражащее предвкушение. Возбуждает так же сильно, как и мысль об убийстве Роджера Мерфи. Я чувствую, как они пробуждают во мне нечто хищное, и, возможно, Дин прав: я сумасшедшая. Полная психопатка. Но это помогает мне ощущать себя сильной и уверенной в себе. Мой разум решает, что делать, несмотря на желания и потребности тела. Я контролирую ситуацию.

Поднявшись на цыпочки, я приближаюсь к нему и наблюдаю, как расширяются его глаза.

– Тогда, Дин, скажи мне вот что, – шепчу я ему на ухо, едва касаясь его лица своим дыханием. – Если я твоя, то ты тоже мой?

Он отпускает прядь моих волос, глядя прямо в глаза.

– Да.

– Тогда есть только один способ убедить меня.

– Какой? – хмурится он.

– Ты знаешь мой самый темный, сокровенный секрет, – шепчу я. – А теперь расскажи мне свой.

Дин резко напрягается и отстраняется, а мне хочется смеяться.

– Так я и думала.

Я отворачиваюсь прежде, чем он успевает произнести что-либо еще. На моих губах все еще играет ухмылка, ведь теперь, когда его внимание переключилось, я вспоминаю, что мы не одни. И я не хочу, чтобы он заметил, как задела меня его реакция. Какой острой болью в моем животе отзывается его непреднамеренное безразличие, словно кто-то вонзил нож и теперь безжалостно проворачивает его внутри.

– Куда ты? – спрашивает Абель, когда я отворачиваюсь.

Я так устала. Наконец-то.

– Домой, – коротко отвечаю я.

Но можно ли почувствовать себя как дома в общей комнате общежития?

Глава 3. Дин

Я отпускаю ее, понимая, что ей необходимо ощущение контроля. Ее походка соблазнительна, она манит меня. Если Авалон полагает, что произошедший хаос способен ослабить мою жажду к ней, то глубоко ошибается. Возможно, сейчас ей нужно время, но для меня это ничего не изменит. Я вижу ее такой, какая она есть, и ничто на всей этой забытой богом планете не могло бы уменьшить мое желание быть с ней. Это почти одержимость.

Мое тело напряжено до предела, словно каждая клеточка кожи натянута на скелет. Хотя я понимаю, что Авалон способна разорвать меня на части, мне хочется броситься за ней, повалить на землю и вытрясти из нее всю спесь. Ради Авалон Мэннинг я готов рискнуть всем. Один поцелуй – и я оказался в ее власти. Одна ночь в ее объятиях, в моей постели – и я навсегда стал ее пленником.

А затем все рухнуло.

В данный момент я не могу позволить себе те чувства, которые переполняют меня. Не могу даже дотронуться до нее. Из-за произошедшего я вынужден скрывать свои эмоции, но две недели вдали от Авалон кажутся мне вечностью. Я не знаю, как долго нам придется ждать, чтобы быть вместе снова. Сейчас ничего непонятно, ведь она ведет себя так, будто ничего не случилось. Ее характер вызывает у меня беспокойство. Разум подсказывает, что ей нужно время, чтобы принять ситуацию, но ее поступки, слова и мое тело говорят о том, что ей станет легче, если она просто будет со мной.

Я никогда ничего не боялся, кроме потери Абеля и Брэкстона. Однако одна маленькая, темноволосая и склонная к ругательствам женщина вызывает у меня страх.

Она меня ненавидит. Я это понимаю. Черт, я и сам себя ненавижу. Потому что это я все испортил. Подошел слишком близко, слишком быстро, недооценил свои силы и позволил ревности затмить разум. Эмоции взяли верх, и я совершил ошибку.

Я сжимаю руку в кулак, пытаясь подавить желание что-нибудь ударить. Если бы я не поторопился с выводами и не решил, что она спит с Люком Кинкейдом, Ава, несомненно, пошла бы сегодня вечером со мной. Она была бы в моем доме, в моей постели. Именно там, где она и должна быть. И винить в этом я могу только себя.

Брэкстон ждет, пока она уйдет подальше, и только тогда поворачивается ко мне.

– Исправь это, – требует он. – Меня не волнует, что ты или она сделали. Просто исправь это, черт возьми.

– Я как раз работаю над этим, – резко отвечаю я, глядя туда, где Авалон скрылась за углом.

– Ты недостаточно стараешься, – говорит он, указывая в том же направлении. – Ничего ей не объяснил. Если в ближайшее время ты не найдешь решение, то это сделаю я.

Эти слова привлекают мое внимание, и я перевожу на него потрясенный взгляд.

– Ты предашь меня ради нее? – спрашиваю я.

Глаза Брэкстона вспыхивают.

– Ты же понимаешь, что это не предательство. Не надо так говорить. – Брэкс опускает руку, делает шаг вперед и почти касается меня грудью. Он смотрит на меня сверху вниз, но я не обращаю внимания на его рост. Этот ублюдок должен знать, что я справлюсь с ним так же легко, как и с любым другим. – И не притворяйся, что не пытался ее заполучить. Теперь она с нами. Если только ты не планируешь сбежать. – Ублюдок выгибает бровь, точно зная, что делает. – Я уверен, она была бы не против обменять тебя на модель покрупнее.

Я толкаю его в грудь и указываю пальцем.

– Клянусь Богом, Брэкс. Я люблю тебя как брата, но если ты, черт возьми, хотя бы прикоснешься к ней, то я разорву тебе глотку собственными зубами.

Абель встает между нами и тихо, но раздраженно говорит:

– Ладно, хватит. Что, черт возьми, с вами обоими происходит?

Брэкс пожимает плечами и с кривой улыбкой закидывает руки за голову.

– Я просто хочу сказать, что, если Дин не изменит свое поведение, его девушку могут увести.

– Не ты, – рычу я.

Улыбка Брэкстона исчезает, и его руки безвольно опускаются вдоль тела.

– Разумеется, нет. Но если ты не перестанешь зацикливаться на своих проблемах, то можешь упустить шанс быть с ней. Она не похожа на остальных. Авалон не станет ждать тебя вечно.

Я не могу вынести того, что он прав. Проклятие непроизвольно срывается с моих губ, но я продолжаю сверлить друга взглядом.

– Мы здесь не для споров, – говорит Абель.

Я ничего не говорю и не комментирую. Вместо этого я отворачиваюсь от них и смотрю туда, где скрылась Авалон. Вечер сложился не так, как хотелось. Теперь мне придется использовать тот козырь, который я планировал оставить на крайний случай.

– Ты уже получил ответ от стариков? – спрашивает Абель, возвращая мое внимание.

– Пока нет, – признаюсь я. – Отец не отвечает на мои звонки и не разрешает входить в свой кабинет, даже если я знаю, что он находится на территории кампуса. Только прошлой ночью мне удалось до него дозвониться. Скоро у нас встреча.

– Когда? – уточняет Абель.

– Среда – это самое раннее, что он мог предложить.

Мне до сих пор не по себе от мысли, что нужно записываться на встречу с собственным отцом. Какой же он самодовольный придурок!

Теперь они молчат, но я почти могу угадать, о чем они думают. Дело в том, что эти же мысли не дают покоя и мне. С той ночи две недели назад я задаюсь тем же вопросом, который Брэкс задает чуть позже.

– Думаешь, ее мама торговала ею ради дури или чего-то такого? – Брэкс стискивает зубы, словно ему больно говорить об этом. Я перевожу на него взгляд и вижу, как напряжено его лицо, а руки по бокам сжаты в кулаки.

– Меня бы это не удивило, – отвечаю я, ощущая горький привкус во рту. Патриция Мэннинг, насколько мне известно, никогда не была идеальной матерью.

Если когда-либо у кого-то и был родитель хуже, чем наши собственные, то это Патриция Мэннинг.

– Это уж точно, черт возьми, – соглашается Абель с тихим ворчанием.

– Мы все еще присматриваем за ней? – спрашивает Брэкстон.

Он словно хотел придать вопросу официальный оттенок, хотя прекрасно знает ответ. После всех неприятностей, что мы пережили, я ни за что не отпущу Авалон куда-то с посторонними людьми. Она пока не в курсе, но я пристально слежу за ней, чтобы ничего не упустить.

Я киваю и достаю телефон. Быстро набираю сообщение, используя тот козырь, о котором думал, и нажимаю «Отправить».

Через тридцать секунд приходит ответ. Да, Авалон находится под наблюдением. Но на этот раз она узнает об этом только в самый последний момент.

– А что будет, когда начнутся летние каникулы? Она не может остаться в общежитии, – подмечает Абель.

– У меня есть идея, – говорю я. – Она будет под присмотром.

– Думаешь, они знают? – спрашивает Абель. – Старики.

Я не знаю. Очень, черт возьми, надеюсь, что нет.

Я никогда не испытывал к отцу особой любви, но сейчас это чувство может обернуться чем-то ужасным. Когда я кого-то ненавижу, то либо разрушаю его жизнь, либо лишаю ее. А в ситуации с отцом и тем, что стоит на кону, возможен только один исход. Тот, кто подставил Авалон, заплатит за это кровью и страданиями.

– Пошли, – говорю я и иду к «Мустангу».

– Мы что, позволим ей просто вернуться в общежитие? – спрашивает Абель, огибая машину и направляясь к водительскому месту. Брэкс следует за ним.

Я открываю пассажирскую дверь и прикрываю ладонью верхний край стекла, чтобы взглянуть на друзей через приоткрытый верх.

– Пусть пока думает, что все под ее контролем, – говорю я. – Скоро она узнает правду.

Абель вздыхает, а затем качает головой.

– Авалон разорвет тебя на части, – предупреждает он. – Такая уж она женщина.

Брэкстон смеется.

– Я думаю, он с нетерпением ждет этого.

Он снова прав. Если Авалон решит использовать свои острые коготки против меня, я не стану сопротивляться и приму любые раны, которые она захочет мне нанести. Авалон в конце концов осознает, что я справлюсь с любыми испытаниями, которые она мне уготовила. И смогу дать ей отпор.

Глава 4. Авалон

Холодные и горячие волны накатывают одна за другой, обжигая мою кожу. Меня начинает трясти. Дыхание становится сбивчивым. Сердце стучит, как метроном, то замедляясь, то ускоряясь, словно оно мечется внутри моей головы, а не спокойно бьется о ребра грудной клетки.

Что, черт возьми, со мной происходит?

По моему телу пробегает электрический разряд. Волосы на затылке встают дыбом, и я чувствую, как холодный воздух из включившегося кондиционера касается моей кожи. Мурашки бегут по ней, и я понимаю, что не сплю, но и не бодрствую по-настоящему. Это странное состояние: как будто я оказалась в ловушке между сном и явью. В неком полумире, где все напоминает о тревоге, которая преследовала меня, когда я жила с мамой.

В Ист-Пойнте я слишком расслабилась и потеряла бдительность. Но теперь мой разум снова начеку, и я жду, что кто-то нападет, когда я буду наиболее уязвима.

Сзади слышится тихий храп Райли, иногда прерываемый икотой. В конце коридора раздается хлопок двери – кто-то вернулся позже обычного.

С Дином такого никогда не случалось. Когда мы были вместе, я действительно погружалась в глубокий сон, словно проваливаясь в бездну, и ничего не помнила.

Однако сейчас, когда воспоминание о нем всплывает в моем сознании, я хмурюсь и корю себя за это.

И почему я вообще думаю об этом уроде?

Мне просто нужно постараться все забыть и как следует выспаться.

Но несмотря на мои мысли, правда все же остается неизменной. Почему я так хорошо спала рядом с Дином? Мы не занимались сексом, но я уснула в его объятиях.

Причина проста… Впервые в жизни я ощутила настоящую безопасность.

Я ненавижу его.

Ненавижу за то, что он заставил меня почувствовать такие эмоции, а потом оставил в состоянии полного опустошения.

Комфорт – это мираж, который так притягивает, что люди боятся потерять его и столкнуться с реальностью. Но не я. Дин подарил мне крошечный кусочек комфорта, который стал для меня настоящим раем, но я знаю, что никто, подобный мне, не заслуживает такого счастья.

Я переворачиваюсь на узком матрасе и, открыв глаза, вглядываюсь в полумрак комнаты общежития. Пытаюсь согреться, натянув одеяло до подбородка, я кутаюсь в него, пока дрожь от холода не стихает. Так я лежу несколько часов, балансируя между сном и бодрствованием, наблюдая, как ночная тьма рассеивается и за окном общежития начинает подниматься солнце. Птичий щебет за двойными окнами звучит мягко, как эхо. За несколько минут до будильника я протягиваю руку и выключаю его.

Я выхожу из все еще прохладной комнаты, держа в руках серую сумку для душа, которую нашла в ящике для забытых вещей в подвале. Сумка выглядит тусклой и потрескавшейся, но в ней есть предметы первой необходимости из магазина «все за доллар», которые нужны мне, чтобы привести себя в порядок. А сейчас я особенно хочу почувствовать себя чистой.

Никто не просыпается так рано без крайней нужды. Поэтому я тихо пробираюсь по пустынным коридорам к общей ванной, которая расположена в нескольких дверях от нашей. Сквозь приоткрытое окно в конце коридора струится прохладный воздух, но в ванной еще ощущается эхо вчерашнего тепла.

Я направляюсь к душевой, расположенной в конце коридора, закрываю дверь и снимаю одежду. Затем включаю воду. Я не знаю, сколько времени стою под струями воды. Мои пальцы уже сморщились, как чернослив, но этого все равно мало. Горячая вода, похожая на вулкани-

ческую лаву, постепенно остывает, пока не становится едва теплой. Я хочу выключить душ, выйти и подождать, пока вода снова нагреется, но понимаю: сколько бы раз я ни мылась, мне никогда не смыть грязь, копоть и отвращение, которые теперь поселились внутри меня.

Скрип входной двери в ванную комнату намекает, что пора выходить. За все время проживания в Хейверсе мне удалось познакомиться только с Райли, и, честно говоря, начинать утро со знакомства с кем-то еще мне совсем не по душе. Но, к моему удивлению, когда я выхожу из душа, меня встречает не одна из безликих девушек с нашего этажа, а моя соседка.

Райли ждет своей очереди в душ, сидя на краю подоконника. Под ее глазами видны темные круги. На ней слишком большая белая футболка и короткие пижамные шорты.

Увидев ее, я замираю. Ее волосы, небрежно собранные в хвост, выглядят как гнездо, где обосновались неугомонные грызуны. Она переводит взгляд на мою руку, крепко держащую сумку для душа, а затем снова смотрит мне в лицо.

Первой начинает говорить именно она.

– Ты рано встала, – замечает Райли.

– Не могла уснуть, – отвечаю я, пожимаю плечами и заставляю себя двигаться. Ставлю сумку у крайнего ряда раковин, включаю кран и подношу зубную щетку под струю воды. – Ты что-то хотела?

Райли молчит, пока я чищу зубы. Но ее взгляд прикован к моей спине, и я ощущаю, как по телу ползет тревожное предчувствие. Больше никто не заходит. Вокруг нас царит тишина, нарушаемая лишь звуком воды.

Завершив свои дела, я слишком резко ополаскиваю зубную щетку, прежде чем убрать ее в сумку, и поворачиваюсь к Райли.

– Если у тебя есть что сказать, говори уже, черт возьми! – говорю я.

Райли кусает губу. Ее лицо выглядит уставшим, как и мое, хотя я знаю, что она спала всю ночь.

– Ты в порядке? – спрашивает она.

Я пристально смотрю на нее, и мои губы невольно искажаются в странной полуулыбке.

– Что за идиотский вопрос? – возмущаюсь я.

– Обычный вопрос, – бормочет она, сдувая со лба темно-фиолетовую прядь.

Качая головой, я достаю из сумки полотенце и как можно быстрее вытираю им волосы. Я не понимаю, что сегодня утром происходит с Райли, но каждый раз, когда вижу ее пронзительный взгляд, чувствую резкую боль в пояснице.

– Не задавай вопросов, на которые не хочешь знать ответа, – говорю я.

– Я бы не спрашивала, если бы не хотела знать.

Я бросаю полотенце на стойку, рычу и поворачиваюсь к ней.

– Кто надоумил тебя на этот разговор?

– Ты намекаешь на Бешеных парней? – уточняет она.

– А на кого же еще? – огрызаюсь я.

– Ты бы ответила, если бы я сказала «нет»? – Райли чуть наклоняет голову.

Этого ответа мне достаточно.

Убрав полотенце в сумку, я хватаю ее и направляюсь к двери. Но как только моя рука касается ручки, Райли снова начинает говорить.

– Нет, они здесь ни при чем, – тихо произносит она. – Но есть ощущение, будто что-то произошло. Ты изменилась с тех пор, как вернулась с каникул. Вы с Дином больше не вместе или что-то случилось?

Я замолкаю, сжимая кулаки, и медленно поворачиваюсь к ней. Меня бесит, что я не могу понять, честна ли она сейчас. Возможно, я просто устала. А возможно, Райли умело манипулировала мной все это время, демонстрируя поразительное мастерство в обмане. Главное, что я понимаю: Райли во многом похожа на меня. Мы обе здесь благодаря щедрости Ист-Пойнта.

Эти средства, полученные в рамках программы, – наш стартовый капитал, который, увы, мы не сможем вернуть, даже если будем работать всю жизнь. У нее такой же характер, как и у девушек, с которыми я выросла в нашем районе. Однако сейчас я не уверена, понимает ли она, что может оказаться в ситуации, когда я прижму ее к стене и ударю кулаком в лицо. Возможно, ей все равно.

– Мы с Дином никогда не были вместе, – отвечаю я.

Райли прислоняется спиной к оконному стеклу и смотрит на меня.

– Хочешь поговорить об этом? – спрашивает она.

– Нет.

Как любая девочка из неблагополучного района, Райли привыкла к суровой реальности. Выросшая среди людей, чьи жизни были сломаны, она просто кивает, хватается за край подоконника и спрыгивает.

– Хорошо.

И все. Просто «хорошо» – и она идет ко мне. Протискивается мимо, берется за ручку двери и открывает ее. Но перед тем как уйти, останавливается и оглядывается.

– Кафетерий откроется через полчаса, – говорит она. – Пойдем?

У меня перехватывает дыхание.

Это оливковая ветвь. Предложение мира. Райли не будет навязывать свою точку зрения, но и не станет делать вид, что ничего не замечает, даже если она не понимает, о чем идет речь. Черт возьми, я искренне ею восхищаюсь.

– Я думала, ты не захочешь со мной завтракать, – язвительно замечаю я.

На губах Райли появляется мрачная усмешка.

– Я всего лишь предлагаю, – резко отвечает она. – Если ты не хочешь…

– Скоро подойду, – говорю я. – Только сначала… схожу в туалет.

Райли устремляет на меня взгляд своих карих глаз. Удивительно, насколько выразительнее и ярче они становятся без темной подводки.

– Прекрасно, – говорит она. – Только поторопись. Если мы придем слишком поздно, все хорошие столики займут или они будут грязными.

Я киваю, но она не оборачивается, чтобы проверить, согласна ли я. С грацией балерины Райли выходит, и дверь за ней громко захлопывается.

Я неспешно направляюсь к зеркалам, ставлю сумку на пол и опираюсь на край ближайшей раковины. Воздух с трудом проникает в мои легкие, и я делаю несколько глубоких вдохов и выдохов, пытаясь успокоить внутреннюю бурю.

Подняв голову, я замечаю движение в зеркале и оказываюсь лицом к лицу с серо-голубоглазым чудовищем. Самой собой. На левой стороне лица начинает проступать синяк – напоминание о вчерашней драке. На теле, скрытом одеждой, тоже есть синяки, каждый на разной стадии заживления. Но я бессильна что-либо изменить. Каждый вечер я выматываю себя в бойцовской клетке, и порой драки приносят желаемое облегчение. Но чаще всего, даже устав, я возвращаюсь в общежитие и лежу без сна в ожидании рассвета.

Мой взгляд медленно опускается вниз. К темной тени, которая прячется в ложбинке под майкой, к мягкой бледной коже, к розовым губам и запавшим глазам с глубокими темными мешками, более заметными, чем у Райли. Эти глаза раздражают меня. За их внешней невинностью и красотой скрывается что-то темное и тревожное. Девушка в отражении – воплощение зла. Она порочна и одержима насилием, которое я позволила ей совершать. Скоро даже кратковременных всплесков адреналина будет недостаточно, чтобы сдержать ее. Она вкусила кровь и теперь не остановится, пока не утонет в ней.

Не успев осознать, что делаю, я бью кулаком по зеркалу. Оно раскалывается, и острые осколки вонзаются в костяшки моих пальцев.

Вот тогда-то я и признаю, что Дин Картер – не единственный человек, которого я ненавижу.

Глава 5. Авалон

Пока я одеваюсь, Райли сосредоточенно работает за ноутбуком. Она не задает вопросов о порезах на моей руке, хотя, возможно, и замечает их. Вдруг мой телефон начинает вибрировать, и я машинально проверяю его, надеясь увидеть сообщение от Дина или одного из троих. Однако это оказывается письмо из студенческой медклиники.

С бешено бьющимся сердцем и потными ладонями я открываю письмо. К счастью, результаты оказываются отрицательными, и я с облегчением кидаю тест в архив. Однако даже временное облегчение не способно полностью стереть из моей памяти воспоминания о сдаче анализов на ЗППП. Одна лишь мысль о них вызывает у меня желание снова принять душ.

Не желая возвращаться к воспоминаниям, я стучу в дверь, давая Райли понять, что готова идти. Она без возражений закрывает ноутбук и выходит из комнаты следом за мной.

В кафетерии мы выбираем стол подальше от остальных, а после завтрака Райли уходит на пару, оставляя меня одну. Я не возражаю, ведь мне чертовски хочется закурить, а до начала первого занятия остается около получаса.

На улице я подхожу к скамейке, которая привлекла мое внимание в первые выходные после приезда, и достаю почти пустую пачку сигарет, купленную три месяца назад. В пачке осталось всего четыре сигареты, каждая из которых смята и потеряла свою первоначальную форму. Но мне все равно. Никотин есть никотин. Засовываю плоский белый кончик сигареты между губ и начинаю искать зажигалку.

Спустя несколько минут я уже готова проклясть эту чертову полосу невезения.

– Ну давай же, – бормочу я, перемещая содержимое сумки на другую половину скамьи и начиная рыться в вещах. Ручки, карандаши, сломанные заколки для волос… Черт! Зажигалки нет.

– Что-то ищешь?

Вдруг передо мной появляется чья-то рука, и я сдерживаю порыв переломать уроду пальцы только потому, что в его ладони зажата прозрачная красная зажигалка. Схватив ее, я нажимаю большим пальцем на колесико, и когда вспыхивает божественное пламя, быстро подношу к нему кончик своей сигареты. Ощутив такое желанное облегчение, я возвращаю зажигалку, а затем поднимаю взгляд, чтобы увидеть, кто стоит передо мной.

– Привет.

Джейк с ухмылкой убирает зажигалку в карман, а затем отодвигает вещи, которые я вытряхнула из своей сумки, чтобы сесть рядом.

– Давненько тебя не видел. Куда ты, черт возьми, пропала из пляжного домика? Корина искала тебя повсюду.

Я делаю глубокий вдох и, прежде чем ответить, позволяю никотину медленно распространяться по моему телу.

– Забавно, – комментирую я, вынимая сигарету изо рта и выпуская дым. – Она ведь знает, где я живу.

Качая головой, Джейк собирает карандаши и ручки, а я равнодушно смотрю, как он кладет их обратно в мою сумку.

– Да, но на какое-то время ты пропала. Я видел тебя в кампусе, но… не был уверен, что с тобой случилось. Не знал, захочешь ли ты общаться с нами. Ты выглядела очень злой.

– Можно и так сказать, – соглашаюсь я.

Джейк поднимает голову и, закончив собирать вещи, возвращает мне сумку. Я беру ее и швыряю на землю, делая еще одну затяжку.

– Ты поругалась с Дином? – спрашивает он. – Вы же вроде наконец-то все выяснили.

– Можно и так сказать, – повторяю я, а затем качаю головой. – Дин больше не моя забота. Я просто была занята и уехала из-за… семейных обстоятельств.

– Понятно, – произносит он, глядя на то, как я докуриваю сигарету и бросаю ее на бетонную площадку. – Я, э-э-э, рад, что ты вернулась. Слышал, ты уже была на складе.

– Да, – отвечаю я.

– Поздравляю с последними победами.

Я хватаю свою сумку и перекидываю ее через плечо.

– Спасибо.

Он встает одновременно со мной.

– Может, потусуемся вместе, если у тебя будет время? Ну, знаешь, до выпускных экзаменов и всей этой суеты.

Я достаю из сумки солнцезащитные очки, надеваю их и только потом отвечаю:

– Конечно, Джейк. Звучит заманчиво.

Он неуверенно колеблется, словно не знает, стоит ли ему уходить, и, возможно, несколько недель назад я была бы рада его компании. Джейк хороший человек, но сегодня я не хочу никого видеть, особенно такого нормального парня, как он. Человек, с которым мне сейчас больше всего хочется общаться, на самом деле – тот, от кого лучше держаться на расстоянии.

Наконец Джейк решает уйти и небрежно машет рукой.

– Увидимся позже, – бросает он через плечо.

Я даже не утруждаю себя ответом. Разворачиваюсь и отправляюсь на свое первое занятие за день, мысленно готовясь к встрече с тремя придурковатыми друзьями.

Как только я переступаю порог аудитории, сразу замечаю их. Они уже здесь, будто поджидали меня. Дин поднимает руку и указывает на меня, а я с самой мерзкой ухмылкой, на которую только способна, показываю ему средний палец прямо при всех его приятелях и однокурсниках и иду к одному из первых рядов, как можно дальше от него. Мне следовало бы уже понять, что держаться от него на расстоянии не удастся.

Едва я успеваю присесть, как на соседнее сиденье с грохотом падает сумка, и Дин тут же занимает это место. Я поднимаюсь со стула, но тут же замираю, потому что Брэкстон огибает длинный узкий стол с противоположной стороны и садится рядом. Мне не нужно оглядываться, чтобы почувствовать присутствие Абеля за своей спиной.

– Мы ведь уже через это проходили, разве нет? – говорю я с раздражением.

– И ты помнишь, чем все закончилось? – спрашивает Дин, но это риторический вопрос.

Я почти привыкла к их присутствию рядом, но была рада, что с момента нашего возвращения они держались от меня на расстоянии. Однако после вчерашнего вечера этот небольшой перерыв, похоже, подошел к концу.

Я сажусь обратно на стул. Профессор Дуглас, вероятно, замечает, насколько тесно мы разместились и что остальные студенты избегают первых рядов как чумы. Но она ничего не комментирует. Никто из них никогда ничего не скажет.

Пара тянется медленно, преподавательница монотонно вещает. Сегодня даже не обычный учебный день. С приближением выпускных экзаменов все занятия становятся сплошным повторением материала, чтобы мы могли подготовиться к главному тесту.

В середине пары Дин наклоняется и заглядывает в мою раскрытую тетрадь.

– Когда заканчиваются твои экзамены? – спрашивает он.

Игнорируя его, я постукиваю шариковой ручкой по бумаге, представляя, что это нож, который я вонзаю ему в шею. Его рука ложится на спинку моего стула, и я напрягаюсь, когда он придвигается ближе. Достаточно близко, чтобы я могла почувствовать его дыхание на своей щеке. Но это меня беспокоит не так сильно, как его губы на моей челюсти, которые скользят вверх к уху.

– Продолжай игнорировать меня, если тебе так легче, малыш, – тихо говорит Дин, и, прежде чем я успеваю придумать ответ или собраться с силами, чтобы ударить его, он слегка кусает мочку моего уха.

Профессор Дуглас невольно вздыхает и запинается. Ее глаза расширяются, когда она видит, что делает студент. Но вместо того, чтобы отругать его, она просто поворачивается к остальным и продолжает обходить аудиторию.

Я сжимаю бедра, когда Дин отпускает мою мочку и проводит языком по месту укуса. Тело покрывается мурашками от прикосновения маленькой штанги к коже, и я закрываю глаза, погружаясь в этот момент.

– Но ты должна знать, что я готов пойти на любые, даже самые порочные, безрассудные и рискованные поступки, чтобы привлечь твое внимание.

Я так крепко сжимаю ручку, что пластик начинает трещать под моими пальцами.

– Прекрати, – приказываю я.

Дин тихо смеется, и его дыхание щекочет мне ухо. Он добился своего: я обратила на него внимание. Однако его рука, лежащая на спинке моего стула, мешает мне сосредоточиться на чем-либо, кроме его присутствия. Проблески воспоминаний о том, как однажды я уступила ему, проносятся в моей голове. Как наши горячие, скользкие от пота тела соприкасались друг с другом. Как его губы касались меня, пока…

– На этом все, ребята, – произносит профессор Дуглас, завершая занятие. Едва осознав, что это действительно конец, я поднимаюсь с места, засовываю вещи в сумку и, обогнув Брэкса, направляюсь к двери.

– Стой, маленькая дикарка! – кричит Брэкстон. Прежде чем я успеваю добежать до безопасного коридора, он хватает меня за плечи и резко тянет назад.

Я рычу, и он инстинктивно отступает, поднимая руки в защитном жесте. Но, черт, уже поздно. Наши взгляды пересекаются, и я вижу, что он следит за каждым моим движением. Все видят, как я веду себя с ними и как они общаются со мной. Любой другой на моем месте занервничал бы. Ведь эти ребята знают все мои темные тайны. Им известна каждая деталь того, что произошло со мной две недели назад. И если они когда-нибудь расскажут об этом хоть кому-то… Это будет катастрофа.

С невозмутимым выражением лица я смотрю на троицу и поправляю сумку на плече. Я не глупа. У меня нет причин переживать, ведь я знаю: они никому не проболтаются о том, что видели. Когда я очнулась в том месте, то узнала больше, чем за все месяцы в этом забытом богом заведении. Они могут быть богатыми, влиятельными, даже звездами спорта с грандиозными мечтами о будущем, но я знаю истину. Дин, Брэкс и Абель пытали Роджера Мерфи, прежде чем я убила его. Они мучили его, словно пытки были их обычным делом. Без тени сомнения. И, насколько я поняла, это им доставляло удовольствие.

– Чего вы хотите? – спрашиваю я, когда остальные студенты и профессор Дуглас покидают аудиторию.

– На эти выходные намечается вечеринка, – сообщает Дин. – Ты должна быть там.

Я смеюсь ему в лицо.

– Нет, – отвечаю я, отворачиваясь от них. – Не должна.

– Либо ты сама придешь, принцесса, – говорит Абель, – либо мы заберем тебя и притащим силой.

Я останавливаюсь у двери, оборачиваюсь и с ухмылкой смотрю через плечо.

– Я до сих пор помню, как ты заставил меня прийти на ту дурацкую вечеринку, фронтмен, – говорю я, опуская взгляд на его джинсы. – Ты правда хочешь повторить тот вечер?

Он хмуро смотрит на меня, и моя ухмылка становится шире. Дин выходит вперед, нарушая наше безмолвное противостояние. Он ударяет кулаком по деревянному косяку, и наши

лица оказываются так близко, что я ощущаю его запах – пьянящий мужской аромат, который, хоть я и пытаюсь отрицать, разжигает во мне похоть.

– Ты ведь хочешь узнать обо мне больше, малыш? – спрашивает он.

Я моргаю, сбитая с толку, и, приподняв голову, прищуриваюсь, глядя на него.

– Тогда приходи на вечеринку. Напои меня, и я открою все тайны, которые ты хочешь узнать. – Дин касается моей кожи, а затем проводит пальцами по ткани топа. Легкая дрожь пробегает по телу, и я хмурюсь, пытаясь скрыть свое волнение. – Все что пожелаешь, малыш.

Я открываю рот, чтобы резко ответить, но он останавливает меня крепким поцелуем. Его горячие губы прижимаются к моим, словно прожигая насквозь. Это наш первый поцелуй с тех пор, как… И по какой-то странной причине я не чувствую ненависти. Нет, я, конечно, ненавижу Дина, но не происходящее.

Чувствуя нехватку воздуха, я прикусываю его нижнюю губу, и он тихо стонет, отстраняясь.

– Не искушай судьбу, Ди-мэн, – сердито бросаю я, разворачиваюсь и выхожу из аудитории не оборачиваясь.

Глава 6. Дин

Я иду по длинному коридору, равнодушно скользя взглядом по строгим лицам мужчин на портретах, которые осуждающе смотрят мне вслед. В мыслях только Авалон и предстоящий разговор. Я понимаю: она будет против. Мой план ей не понравится, но это необходимо.

Возможно, идеальный мужчина оставил бы ее в покое. Позволил бы ей восстановиться и дал возможность жить нормальной жизнью. Но не нужно быть гением, чтобы понять: это не про меня.

Дверь в кабинет отца уже близко. Я не стучу, просто хватаюсь за ручку, толкаю ее и захожу внутрь. Женщина у стола мгновенно поднимается, и на ее лице появляется виноватое выражение. Это Делайла Бэрнс. Она быстро поправляет свои безупречно уложенные волосы, словно те могли растрепаться, а мой взгляд устремляется на внушительного мужчину, сидящего в кресле.

– Отец.

Но Николас Картер даже не смотрит на меня. Это было бы слишком по-человечески. Отец небрежно машет рукой в сторону мисс Бэрнс, которая молча кивает, берет несколько документов с края стола и выходит из кабинета. Когда она проходит мимо, я задерживаю дыхание. Ее плечи опущены, на лице едва заметный румянец.

Я выжидаю мгновение перед тем, как заговорить, но даже тогда не сажусь напротив отца, а иду к книжному стеллажу и винному шкафу. Будучи моложе, я изо всех сил старался угодить Николасу Картеру. Слушал его советы несмотря на то, что их скрытый смысл порой ускользал от моего понимания. Ну а теперь, после всего, что произошло, после правды, которой он со мной поделился, после убийств, которые я совершил по его приказу, во имя нашей проклятой семьи, – уважительное поклонение отцу умерло медленной и мучительной смертью.

– Думал, ты не спишь со своими секретаршами, – легко комментирую я, открывая шкафчик и доставая бутылку спиртного из первого ряда, заранее зная, что найду ее там.

– Мисс Бэрнс вовсе не секретарь, – равнодушно отвечает Николас Картер.

Я хмурюсь и, поставив янтарную бутылку с виски на стол, беру стакан с нижней полки шкафа.

– Да, она советник, – произношу я.

Советник Авалон, отмечаю я про себя.

Что же затеял старик?

Верный себе, Николас Картер пропускает мои слова мимо ушей.

– Чего ты хочешь, Дин? – спокойно спрашивает он. – Последнее время ты проявляешь редкую настойчивость.

Уверенно держа бутылку в руке, я наливаю виски в бокал, стараясь не пролить ни капли, а затем спокойно закрываю крышку и ставлю алкоголь на место. Но внутри меня все кипит от гнева. Мне хочется разрушить идеальный порядок в кабинете отца: сорвать картины со стен, выбить окно, перевернуть письменный стол. А потом, продемонстрировав, насколько я близок к полному помешательству, схватить его за горло и впечатать в стену.

Но дело в том, что, как бы ни было плохо, я стараюсь не срываться, потому что знаю: даже в гневе мой отец не потеряет самообладание. Не существует силы, способной вынудить Николаса Картера отказаться от своего намеренно выстроенного образа дисциплинированного человека. Думаю, попробовав однажды, он рассыпался бы в пыль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.